

DOI 10.15826/izv2.2025.27.4.060
УДК 821.161.1-95

Л. В. Маштакова
Институт истории и археологии УрО РАН
Екатеринбург, Россия

СИМВОЛИЗМ КАК ПРОЕКТ: РЕЦЕНЗИИ И ПРЕДИСЛОВИЯ ВЯЧ. И. ИВАНОВА К КНИГАМ МОЛОДЫХ ПОЭТОВ

Данная статья посвящена рецензиям и предисловиям Вяч. Иванова к книгам молодых и только входящих в литературу или уже известных, но связанных с ним отношениями ученичества поэтов (Б. А. Леман, В. В. Бородаевский, Н. С. Гумилев, М. А. Волошин, А. К. Герцык, М. А. Зенкевич, Е. Г. Гуро). Цель настоящего исследования — путем контекстного сравнения рецензий и предисловий выявить особенности наставнической роли Иванова как в становлении молодых поэтов, так и относительно развития его собственных художественно-эстетических и философских исканий, что до сих пор специально не рассматривалось в ивановедении. Рецензии и предисловия Иванова отражают острую литературную полемику в русской литературе конца 1900-х — 1910-х гг., представляют образец практического приложения теории символизма и отвечают на главные вопросы, которые ставила перед собой символистская литературная критика: когда и при каких условиях творчество становится подлинно символистским, а стихотворец — поэтом, а также что свидетельствует о будущем развитии творчества того или иного поэта и каковы пути этого развития. Рассмотренные вместе, эти рецензии и предисловия создают поле единого символистского проекта, включающего не только систему идей разрабатываемого Ивановым реалистического символизма («реалиоризма»), но и сформировавшуюся вокруг Иванова школу и ее различные практики коммуникации (от собраний на ивановской «Башне» до Общества ревнителей художественного слова), а также напрямую коррелируют с выходившими параллельно основополагающими статьями и докладами Иванова.

К л ю ч е в ы е с л о в а: Вяч. Иванов; реалистический символизм; школа символизма; символистская критика; Общество ревнителей художественного слова; кризис символизма

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00514 «Научно-педагогическое наследие Вячеслава Иванова (малоизвестные статьи и неопубликованные материалы)», <https://rscf.ru/project/23-28-00514/>, ИРЛИ РАН.

Ц и т и р о в а н и е: Маштакова Л. В. Символизм как проект: рецензии и предисловия Вяч. И. Иванова к книгам молодых поэтов // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2025. Т. 27, № 4. С. 93–109. <https://doi.org/10.15826/izv2.2025.27.4.060>

Поступила в редакцию: 31.03.2024
Принята к печати: 28.10.2024

Liubov V. Mashtakova

*Institute of History and Archaeology UB RAS
Ekaterinburg, Russia*

**SYMBOLISM AS A PROJECT:
REVIEWS AND PREFACES BY VYACHESLAV I. IVANOV
TO THE COLLECTIONS OF POEMS BY YOUNG POETS**

This article considers reviews and prefaces by Vyacheslav Ivanov to books by young poets who were just entering the literary world or were already well-known but connected to him through their status as his students (B. A. Leman, V. V. Borodaevsky, N. S. Gumilev, M. A. Voloshin, A. K. Gertsyk, M. A. Zenkevich, and E. G. Guro). The objective of this study is to utilize a comparative analysis of reviews and prefaces to elucidate the distinctive aspects of Ivanov's mentoring approach, particularly in the context of nurturing emerging poets and in the evolution of his own artistic, aesthetic, and philosophical endeavours. This subject has not been adequately addressed in previous Ivanov studies. Ivanov's reviews and prefaces reflect the sharp literary debates that characterized Russian literature in the late 1900s and 1910s. They offer a practical application of the theory of symbolism and address fundamental questions in symbolist literary criticism. These include the conditions under which creativity becomes truly symbolist and whether a verse writer can be considered a poet. They also explore indicators of a poet's future development and the potential paths this evolution might take. Taken together, these reviews and prefaces create a unified symbolist project, including not only the system of ideas of Ivanov's realistic symbolism ("realiorism") but also the school that formed around Ivanov and its various communication practices (from meetings at Ivanov's "Tower" to the Society of Zealots of the Artistic Word), and also directly correlate with Ivanov's fundamental articles and reports that were published in parallel.

Key words: Vyacheslav Ivanov; realistic symbolism; school of symbolism; symbolist criticism; Society of Zealots of the Artistic Word; crisis of symbolism

Acknowledgements

The work was performed within the implementation of research project 23-28-00514 "Vyacheslav Ivanov's Scholarly and Pedagogical Legacy (Little-known Articles and Unpublished Materials)", <https://rscf.ru/en/project/23-28-00514/>, Institute of Russian Literature, RAS.

For citation: Mashtakova, L. V. (2025). Simvolizm kak proekt: retsenzii i predisloviia Viach. I. Ivanova k knigam molodykh poetov [Symbolism as a Project: Reviews and Prefaces by Vyacheslav I. Ivanov to the Collections of Poems by Young Poets]. *Izvestiya Uralskogo federalnogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki*, 27(4), 93–109. <https://doi.org/10.15826/izv2.2025.27.4.060>

Submitted: 31.03.2024

Accepted: 28.10.2024

Наставническая роль Вяч. Иванова, одного из законодателей русского символизма, отчетливо понималась и его современниками, и им самим. Достаточно вспомнить его самохарактеристику в стихотворении-посвящении В. Хлебникову, где поэт предстает чутким, строгим и одновременно провоцирующим критиком:

Измерить верно, взвесить право
Хочу сердца — и в вязкий взор
Я погружаю взор лукаво
Стеля, как невод, разговор.

[Иванов, 1974, с. 340]

Одно из ярких описаний «учительской» ипостаси Иванова принадлежит его ученице, собеседнице и секретарю О. Шор (Дешарт), писавшей, что поэт «не всегда только поощрял и далеко не всегда бывал ласков: он часто горячо сердился, нападал, своими пронзительными вопросами подымал глубинные душевные пласты, вызывал болезненные признания, нередко неожиданные для самого признающегося. Зачастую люди от него уходили в слезах. Некоторые обижались, закрывались, продолжали злиться. Другие (большинство) возвращались, догадавшись, что от них требовалось, многому научались, обогащались духовно» [Дешарт, с. 124]. Сами ученики также играли большую роль в литературно-критической и культуртрегерской работе Иванова. Показательно, например, что список гостей одной из «башенных» сред 1906 г., составленный поэтом, начинается именно с имен малоизвестных и тогда только начинающих литераторов (подле С. Городецкого отмечено — «талантлив!»), за ними следуют молодые композиторы, художники, актеры и только потом — литераторы и ученые, составлявшие ядро собраний (Н. А. Бердяев, Д. В. Философов, В. Я. Брюсов, Ф. Сологуб, А. А. Блок и др.) [Литературное наследство, с. 236].

В мемуарной литературе и литературоведении подробно освещалось ученичество у Иванова отдельных поэтов, «старших» и «младших» (А. Блок, А. Белый, М. Волошин, Н. Гумилев, А. Ахматова, Ю. Верховский и др.); взаимоотношения с молодыми поэтами посвящено диссертационное исследование Е. А. Бусыгиной [Бусыгина]; исследованию письменных обращений к Иванову начинающих поэтов, по большей части не сделавших успешной литературной карьеры, посвящена работа А. Л. Соболева [Соболев]. Проблема же наставнической роли Иванова в процессе развития его собственных идей и значение этих идей для начинающих поэтов в целом специально не рассматривались.

Материалом для настоящего исследования стали рецензии и предисловия Иванова к книгам и сборникам стихов молодых поэтов в аспекте оценок и критериев оценок мэтром работ учеников. Основу для них составляют положения планомерно разрабатываемой Ивановым теории реалистического символизма, «реалиоризма»¹ (см. классические эссе «Две стихии в современном символизме»,

¹ Принципы реалистического символизма подробно описаны в современном ивановедении [Мицкевич].

«Заветы символизма», «Мысли о символизме», «Манера, лицо, стиль»; манифесты символизма вошли также в этапный для развития направления сборник статей Иванова «По звездам» [Созина, Маштакова]). Философские, эстетические, поэтологические принципы реалистического (религиозного) символизма были сформулированы поэтом еще в 1900-е гг. Это система органически связанных друг с другом идей, в свете которых подлинное искусство не только соотносено с проникновением художника за границы эмпирической реальности, но также обладает суггестивной и преображающей энергией. Поддержанная особыми представлениями поэта о народном искусстве и народности, скрепленная развитыми в философско-религиозном ключе социально-историческими идеями о смене органических и критических эпох, система реалистического символизма Иванова становится *проектом*. Под «проектом» мы имеем в виду не только и не столько систему идей реалистического символизма, воплощенных в его творчестве, но и сформировавшуюся вокруг Иванова *школу*, практики ее продвижения, развития и репрезентации ее единства и влиятельности в литературном процессе: от собраний на знаменитой «Башне» — до Общества ревнителей художественного слова (далее — ОРХС) и других объединений и практик коммуникации (анализу протоколов собраний и многочисленным дискуссиям посвящены работы Н. А. Богомолова [Богомолов], М. Л. Гаспарова [Гаспаров], О. А. Кузнецовой [Кузнецова]). Именно в рамках реалистического символизма как проекта следует рассматривать в данном случае рецензии и предисловия Иванова тех лет.

Рассмотренные внутри символистского проекта, рецензии и предисловия представляют образец практического приложения теории символизма и отвечают на главные вопросы, которые ставит перед собой символистская литературная критика: когда и при каких условиях творчество становится подлинно символистским, а стихотворец — поэтом, а также что свидетельствует о будущем развитии творчества того или иного поэта и каковы пути этого развития.

Данный материал при исследовании ограничен только печатными откликами, представляющими более развернутые и выверенные суждения поэта, однако при необходимости мы привлекаем к анализу свидетельства мемуарного характера и переписки. Также следует уточнить, что логика исследования предполагает изучение откликов Иванова на книги не только молодых по возрасту поэтов, но и поэтов состоявшихся, если это их первое собранное под одной обложкой издание и если поэт связан с Ивановым отношениями ученичества.

Б. А. Леман (Дикс) и В. В. Бородаевский

К 1909 г., времени, предшествовавшему напряженным дискуссиям и расколу в лагере символистов, относятся два предисловия Иванова к двум сборникам стихотворений, увидевшим свет в 1909 г. Авторы этих книг — молодые и не оставшиеся в памяти широкого читателя поэты Б. А. Леман (Дикс) и В. В. Бородаевский. Б. А. Леман появился на «Башне» Иванова, вероятно, летом 1906 г.,

к этому периоду относятся и его первые публикации в «Золотом руне» [Дикс, 1906] и сборник стихотворений в шестнадцать страниц [Дикс, 1907]. Предлагая знакомство, 6 июля 1906 г. Леман отправил мэтру проникновенное письмо, значительная часть которого опубликована в очерке жизни Лемана [Багдасаров], а полностью — в книге Н. А. Богомолова [Богомолов, с. 335–412]. В. В. Бородаевский, уже несколько лет печатавшийся, но не находивший активного участия в своей судьбе корифеев литературы, также сам инициировал знакомство [Глухова, 2010, с. 493]. Так, оба молодых поэта обратились к Иванову как к авторитетному учителю, оба впоследствии принимали участие в заседаниях Академии стиха [Гаспаров]. Два предисловия, составленные Ивановым к двум разным книгам, ввиду самого жанра и очевидного характера протекции, должны были иметь, казалось, комплиментарный характер. Однако эти два текста оказались различны и по стилю письма, и по своим задачам.

Как и в откликах на творчество других поэтов, Иванов начинает рассуждения о сборнике Лемана-Дикса с оценки его самостоятельности, проявляя резкость, обычно не свойственную жанру предисловия: стихотворения названы молодыми, часто невыдержанными, бедными и подражательными. Однако вслед за жесткой критикой — наставление читателю: прислушавшись к «психическим шепотам», он обнаружит в книге самое главное, «сознание Тайны, вспыхивающее, как вера, как мгновенное прозрение, как ясное знание» [Иванов, 1909б].

Некая «Тайна», доступная и сознаваемая автором книги, описана Ивановым через образы полупрозрачного покрова, завесы, незримого присутствия, образы, что примечательно, характерные для его собственного поэтического творчества. Однако художник должен не только угадывать и сознавать тайну мира, но и подвигать к этому сознанию своего читателя. «Я не символист, — писал Иванов в программной статье “Мысли о символизме”, — если не бужу неуловимым намеком или влиянием в сердце слушателя ощущений непередаваемых, похожих порой на изначальное воспоминание» [Иванов, 1974, с. 606]. В рецензии на книгу Лемана «вздохи Психеи» должны пробудить душу «из ласковой дремы». *Должны, но способны ли* — в этом поэт сомневается: стихи Лемана *«могут, мне кажется, позвать мечту перелистывающего эти робкие страницы»* (курсив автора. — Л. М.) [Иванов, 1909б].

Соотнося две стороны творчества, наличную художественную и имплицитную мистическую, «тайную», он прощает стихам безыскусность, если они могут увлечь читателя. Однако все же не тайнознание делает мистика поэтом. О том, поэт ли Леман, Иванов рассуждает в сложном пассаже, требующем расшифровки: «И если *могут* [стихи позвать мечту], то автор этих страниц, о котором я не берусь предсказать, будет ли он поэт, — уже иногда поэт... или — еще поэт» [Там же]. Иванов два раза (выше и в приведенном отрывке) повторяет и выделяет слово «могут», но ему противопоставлены маркеры неуверенности: «кажется», «если», многоточия, обрывающие речь. Сложная грамматика запутывает читателя: истинный ли поэт Леман-Дикс? По-видимому, если поэт хотя бы отчасти «будит душу», исполняя заветы символизма, даже будучи несамостоятельным,

даже заимствуя «извне воспринятое» — он «уже иногда поэт». Но тут же встречаем сомнение: «или — еще поэт», другими словами, мистик, находящийся на стадии «поэт» и, вероятно, могущий эту ступень преодолеть. Однако при этом, являясь «иногда поэтом» или «еще поэтом», он не является просто «поэтом», и будет ли — Иванов судить не берется. То есть непонятно, будет ли он крупным состоявшимся самостоятельным поэтом, поскольку как практический мистик он уже состоялся. Более значимым в предисловии, таким образом, оказывается не мастерство автора, а факт данного ему мистического откровения, даже если оно неявно и лишь угадывается им, как сон или галлюцинация больного, и даже если оно исходит не напрямую от интуиции автора книги, а «извне воспринято» и лишь потом «внутри себя подслушано» [Иванов, 1909б].

Исходя из предисловия к книге, Дикс, по мнению Иванова — мистик, но поэт ли — неясно. Простое по своей сути суждение, занимает меньше полутора страниц, но облечено в три сложно выстроенных предложения с повторами, многоточиями, инверсией и едва ли не штампами поэтического словаря символистов, выделяющимися по стилю и форме на фоне философско-критических статей Иванова тех лет. Причины этого странного несоответствия можно найти, как нам видится, в стиле самого Дикса. Так, например, упомянутое эмоциональное письмо, отправленное им Иванову, содержит сходные повторы, подчеркивания и недосказанность. Приведем лишь характерную цитату: «Почему я написал его?! Единственное, что я могу ответить Вам. Я должен был сделать это, т. к. я убежден, что Вы *поймете* его и *поймете* меня. Если я ошибаюсь, повторяю, сожгите его и не будем больше вспоминать всего этого. Почему я пишу *так*, почему я говорю *именно так*, если Вы *поймете*, то все объяснения излишни, если же не *почувствуете*, то объяснения бесцельны» [Богомолов, с. 297]. Младший по возрасту символист, едва вступивший в литературу, пишет восторженное и сбивчивое, как живая речь, письмо, но вместе с тем за восторгом скрывается гордость: он позволяет себе беседовать с Вяч. Ивановым голосом учителя, «как наставник, обладающий той силой, которая оказывается превыше всего в мире» [Там же, с. 294]². В этой связи Н. А. Богомолов, сопоставляя письмо Иванову и предисловие к книге Лемана-Дикса, назвал «пикантной» ситуацию настойчивого переворачивания ролей ученика и учителя: Леман обращается к мэтру символизма как искушенный оккультист, Иванов же, особенно на фоне близкого общения с А. Р. Минцловой, ставит на место младшего и по возрасту, и в литературном отношении поэта. Добавим, что и все предисловие Иванова повторяет стиль Лемана, придавая ему в контексте их взаимоотношений не столько таинственную недоговоренность, сколько ироническое звучание. «Я не люблю его, в нем много деланности, кафедры, самолюбования, но много и настоящего» [Суворова, с. 153], — признается Леман в 1921 г., как бы отзываясь на критику Иванова: не поэт, но подлинный мистик, если только суметь прислушаться.

² Смену ролей отмечает и другой исследователь: письма Лемана являются «теософскими трактатами, инструкциями, как действовать, чтобы достичь света» [Biernat, s. 30].

Совершенно иначе написано предисловие к вышедшей в том же году книге стихов В. Бородаевского. Бородаевский был старше Лемана, но в литературу вошел практически одновременно с ним. В 1900-е гг. он не был оценен Брюсовым, но много позже нашел поддержку (в том числе перед Брюсовым) в лице Иванова. В 1909 г. он оставил последнему книгу стихов «Страстные свечи», изданную, по мнению Иванова, плохо и переизданную в том же году в издательстве «Оры» [Глухова, 2010]. В своем более обширном, чем к сборнику Лемана, предисловии Иванов также не может «вынести убежденный и убедительный приговор о новом даровании», однако уверен в возможностях будущего развития. Если в книге есть даже несколько «строго-художественных строк» (а в случае Бородаевского их значительно больше), пишет Иванов, книгу можно считать принадлежащей искусству. В этом смысле Бородаевский — развивающийся, но определенно — поэт, и делает его таковым «строгая художественность» его стихотворений, в отличие от Дикса, мистика, который лишь «иногда поэт». В ряду достоинств поэзии Бородаевского Иванов также называет остроту эстетического действия, новизну словесного и звукового изобретения и «своеобычие лирического тона» [Иванов, 1909а]. То есть кроме выдержанной художественности главным критерием оценки становится самостоятельность, в которой Иванов ранее резко отказывает Леману. Но хвалебный отзыв не ограничен анализом оригинальной формы — как мы видели в рецензии на сборник Лемана, безыскусность может не совсем, но прощаться тонкому лирику и мистика. Здесь у Бородаевского есть и «музыкальное волнение», и остро переживаемая раздвоенность души, и близость «сознанию народному», и «отзывчивость» на окружающую жизнь [Там же].

Итак, на основании анализа двух рецензий Иванова отметим следующие критерии оценки поэтического творчества. В основании творческого акта должно лежать душевное волнение, сопряженное с откровением инобытия. Это откровение поддерживается глубоким лирическим чувством. Ему соответствуют строгость и оригинальность формы. От внутреннего переживания поэт стремится вовне, побуждая читателя к сродному опыту. Единство поэт-читатель не переживается интимно: подлинный художник близок «сознанию народному».

Хвалебная рецензия на книгу Бородаевского сыграла свою роль в продвижении сравнительно немолодого, но начинающего и неизвестного поэта. Неожиданное расположение к нему Иванова выдвинуло его из круга литераторов «второго ряда» [Глухова, 2010, с. 493]. В журнале «Аполлон» положительную рецензию на книгу разместил другой ученик, подвергшийся критике учителя, — Н. С. Гумилев [Гумилев, 1909]. Однако он же, по воспоминаниям А. А. Ахматовой, постоянно говорил о покровительстве Иванова «бездарной молодежи вроде Верховского и Бородаевского» [Лукницкий, с. 23]. Коллизии взаимоотношений учеников и учителя повели молодых поэтов разными путями: в последующие годы Леман был занят антропософской работой, а о своем первом опыте поэтического сборника в письме Е. Я. Архипову в 1921 г. отзывался: «Ведь Диксом я был случайно, и он для меня как-то несущественный эпизод, внутренне неценный» [Суворова, с. 153]. Бородаевский, также увлеченный антропософией

и оккультными учениями, продолжит литературную работу, а после революции сам будет преподавать поэтическое мастерство [Глухова, 2011]. Размежевание с Ивановым Гумилева, публично оценившего вслед за учителем книгу «бездарного» Бородаевского, станет одним из самых значимых событий в истории литературы рубежа веков.

Н. С. Гумилев, М. А. Волошин, А. К. Герцык

Следующий и один из наиболее репрезентативных случаев, представляющих символизм как школу, — три рецензии Иванова, опубликованные в № 7 журнала «Аполлон» за 1910 г. и относящиеся к периоду кризиса символизма. Они посвящены работам М. Волошина («Стихотворения. 1900–1910»), Н. Гумилева («Жемчуга») и А. Герцык «Стихотворения» [Иванов, 1910]. Рецензии представляются единым блоком, отражающим дискуссии в ОРХС, предвворяют программную статью Вяч. Иванова «Заветы символизма», вышедшую в «Аполлоне», «Мысли о символизме», вышедшую в журнале «Труды и дни» в № 1 за 1912 г., и размежевание круга Иванова с В. Я. Брюсовым, А. Белым, А. А. Блоком [Грякалова, Титаренко] и акмеизмом. Каждая из рецензий представляет собой практический пример воплощения ивановской теории преодоления кризиса символизма, а также манифестирует единство школы поэтов, группирующихся вокруг ОРХС, журнала «Аполлон» и прежде всего самого Иванова как одного из лидеров символистского движения.

Сборник стихов М. Волошина представляет собой издание уже известного на тот момент поэта, итоговое для десяти лет творчества, однако первое, собирающее его произведения под одной обложкой. Несмотря на состоятельность Волошина-поэта, Иванов начинает свою рецензию с шагов ученичества, с того, что составило в последующем его художественный мир: живопись учила поэта «видеть природу» особым зрением, книги о тайном знании — слышать сокровенное, творения поэтов — воплощать мелодию в звуки. Казалось, именно не интуитивное, а «извне воспринятое» тайнознание ставится ранее в укор Леману, однако в случае с Волошиным ученичество у искусства и оккультных наук складывает оригинальность поэта. Более того, увлечение поэта живописью согласуется со стремлением символизма к синестезии. Одновременно оккультистом и живописцем-импрессионистом называет Волошина М. Кузмин, чья рецензия помещена в том же номере «Аполлона» перед «ивановским» блоком.

Определение живописного начала в поэзии Волошина, данное в рецензиях и Иванова, и Кузмина, как нам видится, не случайно, и не только очевидно согласуется с увлечением поэта живописью, но и лежит в русле дискуссий в ОРХС о типах творческого дара. Несколько позже, в 1912 г. Ю. Н. Верховский, другой ученик Иванова, представит в одном из докладов свою типологию, выделив поэта-мастера, импровизатора и синтетика. Эта типология будет подвергнута критике и, доработанная под влиянием статьи Иванова «Мысли о символизме», предстанет позже в виде классической триады поэта-живописца, певца и мудреца

[Верховский]. Символистское искусство требует объединения художественных принципов. Иванов описывает это так: поэт-символист живописует «так, что воображение слушателя воспроизводит изображенное мною с отчетливою наглядностью виденного», поет так, что может «обаять душу» своего слушателя, и владеет «познанием вещей», услаждая сердце слушателя, наставляя его разум и воспитывая его волю [Иванов, 1974, с. 605–606]. В этом смысле многообразное ученичество Волошина соответствует триаде символического творчества. С этих размышлений о трехсоставной силе творческого дара поэта-символиста начинается и статья «Мысли о символизме», и более ранняя рецензия на сборник Волошина.

Однако этого недостаточно. «Но если, — пишет Иванов в статье «Мысли о символизме», — увенчанный тройным венцом певучей власти, я, поэт, не умею, при всем том тройном очаровании, заставить самую душу слушателя петь со мною другим, нежели я, голосом, <...> петь о том, что глубже показанных мною глубин и выше разоблаченных мною высот, <...> если луч моего слова не обручает моего молчания с его молчанием радугой тайного завета: тогда я не символический поэт...» [Там же] То есть под «радугой тайного завета» представляется особая тайная коммуникация, соединяющая поэта, его тайнознание и читателя, подвигающая последнего на собственное спровоцированное поэтом волевое усилие к со-познанию и со-творчеству. Эта коммуникация принципиально двусторонняя, но со стороны поэта — направленная «вовне» с жертвенной самоотдачей. Именно этого коммуникативного элемента не видит критик в поэзии Волошина: строгому ученическому умению «поглощать мир» должно соответствовать более сложное умение «расточать душу». Здесь Иванов противопоставляет «Аполлона строя» и «Диониса жизни» [Иванов, 1909a].

Сходное замечание находим и в рецензии на книгу Гумилева, помещенной в том же номере журнала. В стихах молодого поэта Иванов отмечает преобладание эпического начала над лирическим: там, где необходима отзывчивость на живую жизнь, появляется сказка: «Это естественно: где ему и найти собственное переживание, если оно растворяется в сновидении, если фея снова начинает прясть из кудели душевного опыта лунные нити, а другая фея — фея-Сказка — ткать из нитей узорную ткань вымысла?» [Иванов, 1974, с. 605–606]. Живописность поэзии Гумилева («рядить Сказку в Армидин панцирь из литого серебра и переплавлять брызги золотых Пактонов восторга в тяжелые кубки с изощренной резьбой во вкусе элегантно-пластики Парнаса»), музыка стиха («не изменяет приподнятой монотонии плавных ритмических периодов»), мудрость заимствованная и подлинная (встречи «в садах мечты, дружной с географией и историей») — также волнуют Иванова, но во взаимоотношении с поэзией другого учителя поэта — В. Брюсова, у которого Гумилев ученически заимствует, совершенствуется и, совершенствуясь, утрирует и содержание, и форму. Однако лишь «жадное взглядывание в загадку обставившего личность бытия» определяет поэта как «ставшего и совершившегося» — таков, по мнению Иванова, Брюсов и таким надлежит стать Гумилеву, когда «действительный,

страданием и любовью купленный опыт души разорвет завесы» [Иванов, 1974, с. 605–606]. Ни предложенный Ивановым путь развития, ни его поклон в сторону первого учителя Гумилева не остановили, как известно, ни раскола в стане символистов, ни размежевания учителей и учеников [Тименчик; Блинов; Davidson].

Итак, в двух рецензиях на книги Волошина и Гумилева Ивановым выделяются «щедрость» и «отзывчивость» — две силы, движущая, коммуникативная, и созидательная, лирическая, необходимые поэту-символисту, обе направлены на взаимодействие с внешним миром, дионисийские.

Такой тип коммуникации представляет поэзия А. Герцык, в которой происходит «возврат слова к стихии мифа». Способность поэзии Герцык магически очаровывать («деять чары»), обрядовая основа, не атавистическая, а органическая, близкая к изначальным функциям поэтической речи (что будет значимо для Иванова в дальнейших дискуссиях о путях искусства) сила своенравного народного выразительного и мелодически гибкого ритма прощают ей, как он считает, неровности и безыскусность формы, пренебрежение рифмами и «простодушные» ассонансы [Иванов, 1974, с. 605–606]. Неслучайно в рецензии возникает упоминание А. Н. Веселовского, по словам Иванова, обосновавшего в развитии лирики возврат к «магической символике исконной песни», «переживание стародавнего наследия в лирике искусственной». Здесь имеется в виду не только идея жанровой эволюции, возвращения поэзии к древним формам, но и близкое Иванову представление ученого о движущей созидательной энергии, наполняющей произведение («пластическая сила»), и развитии поэтического языка как органического явления, обладающего своими специфическими законами. Прямым академическим учеником Веселовского был Верховский, столь нелюбимый Гумилевым, развивавший в это время свою уже упоминавшуюся концепцию типов поэтического дара и положения основанной Веселовским исторической поэтики. Герцык в этом свете предстает поэтом, погруженным в стихию языка, не ученицей (ее ученичество ни разу не оговорено, хотя подробно освещается в рецензиях на книги Волошина и Гумилева), не книжным и келейным мистиком, а поэтом-интуитом, способным возродить к жизни «напевное слово», когда связанный с ним обряд уже ушел в прошлое. Такая своеобразная «народность», только намеченная Ивановым ранее в рецензии на книгу Бородаевского, становится не столько особенностью, сколько способом той самой необходимой коммуникации поэта с читателем, с живой жизнью.

В трех рецензиях Иванова, читаемых как единый блок, роль мастеров формы отдана Волошину и Гумилеву, однако книги двух поэтов объявляются нежизненными, в отличие от формально несовершенной книги Герцык. Три текста логически продолжают статью «Заветы символизма» с ее известными положениями о «ноуменальной открытости» художника и символической поэзии как «магическом внушении». В статье был продолжен разговор о преодолении кризиса символизма, вызвавший полемические отклики некоторых поэтов, прежде всего А. Белого и А. Блока.

М. А. Зенкевич, Е. Г. Гуро

Однако, несмотря на эмоциональное замечание Гумилева, сохраненное А. Ахматовой, апологетических рецензий, предисловий и протекций Иванова удостоивались не только близкие ему по символистской школе ученики и последователи, не только его «протеже» в литературной и академической жизни, как Бородаевский, Верховский и Герцык. В 1912 г. в № 4–5 «Трудов и дней» вышли две небольшие рецензии поэта на книги М. Зенкевича («Дикая порфира» и «Цех поэтов») и Е. Гуро («Осенний сон»).

К 1912 г. окончательно выделился из Академии стиха «Цех поэтов», был организован журнал «Гиперборей», а внутри круга акмеистов образовалось самое «левое» его крыло, представленное радикально натуралистической поэзией М. Зенкевича и В. Нарбута, довольно вызывающе «опустившимися на грешную землю» [Васильев, с. 29]. Но при всей противопоставленности акмеизма символизму, в особенности ивановской школе, по справедливому замечанию О. А. Лекманова*, по существу, акмеисты стремились не изгнать мистику из поэзии, а уравновесить мистическое и земное [Лекманов*, с. 55]. Поскольку «земное» начало поэзии Нарбута очевидно является центрообразующим в его художественном мире, Иванов в своей рецензии сосредоточен на другом — неочевидном мистическом. Критик не ставит в укор авторам, как это сделал в своей рецензии Брюсов [1912], незнание естественных наук, так вдохновляющих поэта. «Пафос Зенкевича, — писал Иванов в своей рецензии, отвечая Брюсову, — вовсе не научный пафос. <...> Зенкевич пленился Материей, и ей ужаснулся». Зенкевич — это, как и прежде, важный вопрос для Иванова-критика — оригинальный поэт, ему свойственны «сила, строгость и самостоятельная звучность стиха», но за формой — исток его самостоятельности, который он определяет как «ясновидение чувствования Материи» [Иванов, 1912]. То есть Зенкевич, по Иванову, не просто опускает поэзию на землю, к физиологичности и натурализму, но пытается проникнуть в ее тайны, мистику материи. Поставленная задача решается на формальном мотивно-образном уровне его стихотворений, в этом смысле противоречия программе Гумилева «всегда помнить о непознаваемом, но не оскорблять своей мысли о нем» [Гумилев, 1913, с. 42]. Так, для Иванова Зенкевич остается в пределах «заветов символизма»: «Он утончит слух, и будет слышать, “что говорят вещи”; изошрит зрение, и научится понимать смысл форм и видеть разум явлений. <...> Глина сама будет слагаться под его перстами в образ, которого она ждала, и слова в созвучия, представленные в стихии языка» (Вяч. Иванов «Две стихии в современном символизме») [Иванов, 1974, с. 539], приобщение к тайнам мира осуществляется здесь и на мистическом, и на эстетическом уровне. Парадоксально, но именно в поэзии Зенкевича, одного из самых радикальных акмеистов, по замечанию Е. В. Тырышкиной и П. А. Чеснялис, «поворот в сторону символизма, хотя и с акцентировкой плотского, материального, знаменует

* Признан Минюстом РФ иноагентом.

отход от акмеизма с его радостной полнотой принятия мира» [Тырышкина, Чеснялис, с. 128], и самым чутким к этом повороту оказывается Вяч. Иванов.

Именно обозначенный поворот к символизму, на наш взгляд, — самое значимое и характерное в данной рецензии. Иванов не разбирает подробно ученичество Зенкевича, его творческий путь, не рассуждает о типе его поэтического дара, не останавливается подробно на форме, не говорит о «народности» и «жизнеориентированности», но он принципиально рассматривает поэзию Зенкевича как символистскую, идущую путем от материи в ее физиологической наличности — к тайне, познающую, направленную на откровение тайны, мистическую. В то время, когда открыто заявляет о себе новая литературная школа, отталкивающаяся от старших учителей, самого радикального из ее представителей этот старший учитель и показывает символистом, а символизм — действительно переросшим систему эстетических представлений и ставшим мировидением, так что настоящий поэт не может не быть символистом. В то же время для Иванова важно оспорить суждения Брюсова, пожелавшего Зенкевичу будущего синтеза в поэзии творческой интуиции и научного знания: «дело, разумеется, не в выработке научно-объективного синтеза, а в обретении путей собственного духа...» [Иванов, 1912]. Ранее в том же году на страницах того же журнала вышла уже упомянутая статья Иванова, выросшая из доклада в ОРХС — «Мысли о символизме», опровергающая уход символизма в прошлое. Символизм для Иванова не «подменяет вещей», в то же время не является приемом поэтической изобразительности и поэтическими ребусами, которые должны быть отгаданными. Символизм — это «утверждение экстенсивной энергии слова и художества» [Иванов, 1974, с. 612], где и осуществляется означенная коммуникация: поэт — реальность (*a realibus ad realiora*) — художественное слово — читатель. Так, поэзия Зенкевича символична.

Менее интересна в приложении к дискуссиям 1910-х гг. рецензия Иванова на книгу Е. Гуро. Не разбирая подробно особенности формы, тип поэтического дара, оригинальность / подражательность ее поэзии, он останавливается на анализе образа юноши, центрального в пьесе «Осенний сон», входящей в книгу, сближая его с образом князя Мышкина у Достоевского: «И кто уловит мерцание этого образа, узнает, как свидетельство жизни, что уже родятся дети обетованные и — первые вестники новых солнц в поздние стужи — умирают» [Иванов, 1912]. Н. Ю. Грякалова указывает на религиозно-мистический смысл этого образа, уловленный Ивановым у Гуро [Грякалова, с. 594]. Но ярче всего, как нам видится, в рецензии реализовано сочувствие лирической героине ли, поэту ли. Как и в предыдущей книге «Шарманка», и в последующей посмертной, «Небесные верблюжата», в книге «Осенний сон» реализуется комплекс образов и мотивов скорби по утраченному сыну [Топоров]. Рецензию можно сравнить с более ранним откликом Иванова на «Солнечные песни» Н. Пояркова, где подчеркнута «скромно и доверчиво светящаяся» солнечность стихотворений, трогающая и умиляющая читателя [Иванов, 1906]. В конце рецензии Иванов пишет о подражательности и несостоятельности книги, но основной эмоцией

в тексте остается сочувствие, продиктованное неизлечимой болезнью автора. Обе рецензии не ставят целью определить место двух книг в литературном процессе и не направляют их авторов по лучшему, с позиции критика, пути.

Итак, рецензии и предисловия Иванова не только являются самостоятельными откликами на выходявшие книги, но и отражают острую литературную полемику конца 1900-х — 1910-х гг. Рассмотренные вместе, они создают поле единого символистского проекта. Они напрямую коррелируют с выходявшими параллельно основополагающими статьями и докладами, продолжают дискуссии тех лет, представляют не только и не столько Иванова-критика, но Иванова-учителя и Иванова-мэтра. Эти предисловия и рецензии, написанные в самые острые для символизма годы, были разделены нами жанрово и хронологически, однако это разделение стало не только формальным. Предисловия к книгам Лемана и Бородаевского утверждают необходимый истинному поэту баланс между мистикой и художественной строгостью формы, а также создают литературную репутацию двум молодым ученикам именитого учителя. Блок идейно связанных друг с другом рецензий в «Аполлоне» в близкое к кризису время манифестирует единство школы символизма (по всей видимости, уже нуждающееся в утверждении, упреждающее будущее расхождение учеников с учителем), в то же время намечая и выход за рамки школы — к миросозерцанию. Наконец, рецензия на книгу Зенкевича 1912 г., вышедшая после публикации статьи «Мысли о символизме» показывает этот выход состоявшимся, наглядно указывая, что «символизм не умер» (Вяч. Иванов «Мысли о символизме»), его зерна прорастают даже в поэзии учеников, демонстративно оттолкнувшихся от учителей.

Источники

- Брюсов В.* Сегодняшний день русской поэзии (50 сборников стихов 1911–1912 гг.) // Русская мысль. 1912. № 7. С. 17–23.
- Верховский Ю.* О символизме Боратынского // Труды и дни. 1912. № 3. С. 1–9.
- Гумилев Н.* Письма о русской поэзии // Аполлон. 1909. № 1. II паг. С. 22–23.
- Гумилев Н. С.* Наследие символизма и акмеизм // Аполлон. 1913. № 1. С. 42–45.
- Дикс Б.* Пастель ; Призраки // Золотое руно. 1906. № 7–9. С. 115–116.
- Дикс Б.* Ночные песни. СПб. : Осень, 1907.
- Иванов Вяч. Н.* Поярков Солнечные песни. М., 1906 // Весы. 1906. № 7. С. 58–59.
- Иванов В.* Предисловие // Бородаевский В. Стихотворения: Элегии, оды, идиллии. СПб. : Оры, 1909а. С. 3–7.
- Иванов В.* Предисловие // Дикс Б. Стихотворения. СПб. : т-во М. О. Вольф, 1909б. [Б. п.]
- Иванов Вяч.* Письма о русской поэзии // Аполлон. 1910. № 7. С. 38–42.
- Иванов Вяч.* Marginalia // Труды и дни. 1912. № 4–5. С. 38–45.
- Иванов Вяч. И.* Собрание сочинений. Т. 2 / под ред. Д. В. Иванова, О. Дешарт. Брюссель : Foyer Oriental Chrétien, 1974.

Исследования

Багдасаров Р. Знавший себя (Борис Леман) // Леман Б. Сен-Мартен. Неизвестный философ. М. : Энигма, 2005. С. 106–139.

Блинов В. Вячеслав Иванов и возникновение акмеизма // *Cultura e memoria: Atti del 3° Simposio Internazionale dedicato a V. Ivanov* : 2 Vols. / a cura di F. Malcovati. Firenze : La Nuova Italia, 1988. P. 13–25.

Богомолов Н. А. Русская литература начала XX века и оккультизм. М. : Новое литературное обозрение, 1999.

Бусыгина Е. А. Вяч. Иванов и круг молодых петербургских литераторов в 1900-е годы : дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01. Киров, 2013.

Васильев И. Е. Русский поэтический авангард XX века. Екатеринбург : Изд-во Урал-ун-та, 2000.

Гаспаров М. Л. Лекции Вяч. Иванова о стихе в Поэтической Академии 1909 г. // Вячеслав Иванов. Материалы и публикации / сост. Н. В. Котрелев. М. : Новое литературное обозрение, 1994. С. 89–106.

Глухова Е. В. Вячеслав Иванов и Валериан Бородаевский: к истории взаимоотношений // Вячеслав Иванов : Исследования и материалы / отв. ред. К. Ю. Лапшо-Данилевский, А. Б. Шишкин. СПб. : Пушкинский Дом, 2010. С. 493–532.

Глухова Е. В. «Духовным голодом томимый» // Бородаевский В. Посох в цвету : собрание стихотворений. М. : Водолей, 2011. С. 313–343.

Грякалова Н. Гуро Елена Генриховна // Литературный Санкт-Петербург. XX век. Прозаики, поэты, драматурги, переводчики : энциклопедический словарь : в 2 т. / гл. ред. и сост. Богданова О. В. СПб. : филол. фак. СПбГУ, 2011. Т. 1. С. 593–594.

Грякалова Н. Ю., Титаренко С. Д. Маргиналии А. Блока на статьях теоретиков символизма // *Die Welt der Slaven*. 2017. Vol. 62(1). S. 100–115.

Дешарт О. Введение // Иванов Вяч. И. Собрание сочинений : в 4 т. Т. 1 / под ред. Д. В. Иванова, О. Дешарт. Брюссель : Foyer Oriental Chrétien, 1971. С. 7–227.

Кузнецова О. А. Дискуссия о состоянии русского символизма в «Обществе ревнителей художественного слова» (обсуждение доклада Вяч. Иванова) // Русская литература. 1990. № 1. С. 200–207.

*Лекманов О. А.** Книга об акмеизме и другие работы. Томск : Водолей, 2000.

Литературное наследство. Т. 92 : Александр Блок : Новые материалы и исследования / под ред. И. С. Зильберштейн и Л. М. Розенблюм. М. : Наука, 1982. Кн. 3.

Лукницкий П. Н. *Asimiana*. Встречи с Анной Ахматовой : в 2 т. Париж ; М. : YMCA-Press, 1997. Т. 2.

Мицкевич Д. Н. «Реалиоризм» Вячеслава Иванова // Христианство и русская литература. Сборник шестой: Взаимодействие этнокультурных и религиозно-этических традиций в русской мысли и литературе / отв. ред. В. А. Котельников и О. Л. Фетисенко. СПб. : Наука, 2010. С. 254–342.

Соболев А. Вячеслав Иванов и молодые поэты (заметки к теме) // Загадка модернизма: Вячеслав Иванов : материалы XI Международной Ивановской конференции «Viacheslav Ivanov: the Enigma of Modernism» / отв. ред. Н. Сегал-Рудник. М. : Водолей, 2021. С. 462–480.

Созина Е. К., Маштакова Л. В. Книга Вяч. Иванова «По звездам»: принципы «единого мирозерцания» // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2017. Т. 18, вып. 1. С. 102–112.

*Признан Минюстом РФ иноагентом.

Суворова Н. А. На чердаке старого московского дома (Об архиве Е. Я. Архипова) // Встречи с прошлым : сб. материалов Центрального государственного архива литературы и искусства СССР. Вып. 6. М. : Сов. Россия, 1988. С. 150–163.

Тименчик П. Д. Заметки об акмеизме. III // Russian Literature. 1981. IX. P. 175–190.

Топоров В. Н. Миф о воплощении юноши-сына, его смерти и воскресении в творчестве Елены Гуро // Топоров В. Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ : Исследования в области мифопоэтического. М. : Прогресс : Культура, 1995. С. 400–428.

Тырышкина Е. В., Чеснялис П. А. Эстетика адамизма: лирика М. Зенкевича 1910-х годов // Идеи и идеалы. 2017. Т. 2, № 3(33). С. 117–131. <https://doi.org/10.17212/2075-0862-2017-3.2-117-131>

Biernat E. Ezoteryczna misja Borisa Lemana // Światło i ciemność. Motywy ezoteryczne w kulturze rosyjskiej początku XX wieku. T. III / pod red. D. Oboleńskiej i M. Rzeczyckiej. Gdańsk : Wyd. Uniw. Gdańskiego, 2009. S. 26–37.

Davidson P. Gumilev's Reviews of Viacheslav Ivanov's *Cor Ardens*: Criticism as a Tool in the Polemics of Literary Succession // Russian Writers on Russian Writers / ed. by F. Wiggell. Berg : Oxford ; Providence USA, 1994. P. 51–65.

References

Bagdasarov, R. (2005). Znavshii sebja (Boris Leman) [The One Who Knew Himself (Boris Leman)]. In B. Leman, *Sen-Marten. Neizvestnyi filosof* [St Martin. Unknown Philosopher] (pp. 106–139). Moscow: Enigma.

Biernat, E. (2009). Ezoteryczna misja Borisa Lemana. In D. Oboleńska, & M. Rzeczycka (Eds.), *Światło i ciemność. Motywy ezoteryczne w kulturze rosyjskiej początku XX wieku* (Vol. 3, pp. 26–37). Gdańsk: Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego.

Blinov, V. (1988). Viacheslav Ivanov i vozniknovenie akmeizma [Vyacheslav Ivanov and the Emergence of Acmeism]. In F. Malcovati (Ed.), *Cultura e memoria: Atti del 3 Simposio Internazionale dedicato a V. Ivanov* (Vol. 2, pp. 13–25). Firenze: La Nuova Italia.

Bogomolov, N. A. (1999). *Russkaia literatura nachala XX veka i okkul'tizm* [Russian Literature of the Early 20th Century and Occultism]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.

Busygina, E. A. (2013). *Ivanov i krug molodykh peterburgskikh literatorov v 1900-e gody* [Vyacheslav Ivanov and the Circle of Young St Petersburg Writers in the 1910s] (doctoral dissertation). Kirov.

Davidson, P. (1994). Gumilev's Reviews of Viacheslav Ivanov's *Cor Ardens*: Criticism as a Tool in the Polemics of Literary Succession. In F. Wiggell (Ed.), *Russian Writers on Russian Writers* (pp. 51–65). Berg: Oxford; Providence USA.

Deschartes, O. (1971). Vvedenie [Introduction]. In D. V. Ivanov, & O. Deschartes (Eds.), *Ivanov Viach. I. Sobranie sochinenii* [Ivanov Vyach. I., Collection of Poems] (Vol. 1, pp. 7–227). Brussels: Foyer Oriental Chrétien.

Gasparov, M. L. (1994). Lektsii Viach. Ivanova o stikhe v Poeticheskoi Akademii 1909 g. [Lectures by Vyacheslav Ivanov on Poetry at the Poetry Academy in 1909]. In N. V. Kotrelev (Ed.), *Viacheslav Ivanov. Materialy i publikatsii* [Vyacheslav Ivanov, Materials and Publications] (pp. 89–106). Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.

Glukhova, E. V. (2010). Viacheslav Ivanov i Valerian Borodaevskii: k istorii vzaimootnoshenii [Vyacheslav Ivanov and Valerian Borodaevsky: On the History of their Relationship]. In K. Yu. Lappo-Danilevsky, & A. B. Shishkin (Eds.), *Viacheslav Ivanov: Issledovaniia i materialy* [Vyacheslav Ivanov: Studies and Materials] (pp. 493–532). St Petersburg: Pushkinskii Dom.

Glukhova, E. V. (2011). "Dukhovnym golodom tomimyi" [Tormented by Spiritual Hunger]. In V. Borodaevsky, *Posokh v tsvetu: sobranie stikhotovorenii* [A Blooming Staff: Collection of Poems] (pp. 313–343). Moscow: Vodolei.

Gryakalova, N. (2011). Guro Elena Genrikhovna [Guro Elena Genrikhovna]. In O. V. Bogdanova (Ed.), *Literaturnyi Sankt-Peterburg. XX vek. Prozaiki, poety, dramaturgi, perevodchiki: enciklopedicheskii slovar'* [Literary St Petersburg. 20th Century. Prose Writers, Poets, Playwrights, Translators: Encyclopaedic Dictionary] (Vol. 1, pp. 593–594). St Petersburg: SPbGU.

Gryakalova, N. Yu., & Titarenko, S. D. (2017). Marginalii A. Bloka na stat'iakh teoretikov simbolizma [Blok's Marginalia on Articles by Symbolist Theorists]. *Die Welt der Slaven*, 62(1), 100–115.

Kuznetsova, O. A. (1990). Diskussiiia o sostoianii russkogo simbolizma v "Obschestve revnitatej khudozhestvennogo slova" (obsuzhdenie doklada Vyach. Ivanova) [Discussion on the State of Russian Symbolism in the "Society of the Zealots of the Artistic Word" (Discussion of the Report by Vyach. Ivanov)]. *Russkaia literatura*, 1, 200–207.

Lekmanov, O. A.* (2000). *Kniga ob akmeizme i drugie raboty* [The Book about Acmeism and Other Works]. Tomsk: Vodolei.

Luknitsky, P. N. (1997). *Acumiana. Vstrechi s Annoi Akhmatovoi* [Acumiana. Meetings with Anna Akhmatova]. Paris; Moscow: YMCA-Press.

Mitskevich, D. N. (2010). "Realiorizm" Viacheslava Ivanova ["Realiorism" by Vyacheslav Ivanov]. In V. A. Kotelnikov, & O. L. Fetisenko (Eds.), *Khristianstvo i russkaia literatura. Sbornik shestoi: Vzaimodeistvie etnokul'turnykh i religiozno-eticheskikh traditsii v russkoi mysli i literature* [Christianity and Russian Literature. Iss. 6: The Interaction of Ethnocultural and Religious-Ethical Traditions in Russian Thought and Literature] (pp. 254–342). St Petersburg: Nauka.

Sobolev, A. (2021). Viacheslav Ivanov i molodye poety (zametki k teme) [Vyacheslav Ivanov and Young Poets (Notes on the Topic)]. In N. Segal-Rudnik (Ed.), *Zagadka modernizma: Viacheslav Ivanov* [The Enigma of Modernism: Vyacheslav Ivanov] (pp. 462–480). Moscow: Vodolei.

Sozina, E. K., & Mashtakova, L. V. (2017). Kniga Viach. Ivanova "Po zvezdam": printsipy "edinogo mirosozertsaniia" [Vyach. Ivanov *By the Stars*: Principles of a Whole Worldview]. *Vestnik Russkoi khristianskoi gumanitarnoi akademii*, 18(1), 102–112.

Suvorova, N. A. (1988). Na cherdake starogo moskovskogo doma (Ob arkhive E. Ya. Arkhippova) [In the Attic of an Old Moscow House (About the Archive of E. Ya. Arkhipov)]. *Vstrechi s proshlym*, 6, 150–163.

Timenchik, R. D. (1981). Zametki ob akmeizme. III [Notes on Acmeism. III]. *Russian Literature*, 9, 175–190.

Toporov, V. N. (1995). Mif o voploshchenii iunoshi-syna, ego smerti i voskresenii v tvorchestve Eleny Guro [The Myth of the Incarnation of a Young Son, His Death and Resurrection in the Works of Elena Guro]. In V. N. Toporov, *Mif. Ritual. Simvol. Obraz: Issledovaniia v oblasti mifopoeticheskogo* [Myth. Ritual. Symbol. Image: Studies in the Field of the Mythopoetic] (pp. 400–428). Moscow: Progress; Kultura.

Tyryshkina, E. V., & Chesnyalis, P. A. (2017). Estetika adamizma: lirika M. Zenkevicha 1910-kh godov [Aesthetics of Adamism: The Lyrical Poetry of M. Zenkevich, 1910]. *Idey i idealy*, 2(3), 117–131. <https://doi.org/10.17212/2075-0862-2017-3.2-117-131>

Vasil'ev, I. E. (2000). *Russkii poeticheskii avangard XX veka* [Russian Poetic Avant-garde of the 20th Century]. Ekaterinburg: Ural University Press.

*Признан Минюстом РФ иноагентом.

Zilberstein, S., & Rozenblum, M. (Eds.). (1982). Aleksandr Blok: Novye materialy i issledovaniia [Alexander Blok: New Materials and Studies]. *Literaturnoe nasledstvo*, 92(3). Moscow: Nauka.

Маштакова Любовь Владиславовна

кандидат филологических наук,

научный сотрудник

Институт истории и археологии УрО РАН

620108, Екатеринбург,

ул. Софьи Ковалевской, 16

E-mail: lika170288@mail.ru

Mashtakova, Liubov Vladislavovna

PhD (Philology),

Research Fellow

Institute of History and Archaeology UB RAS

16, S. Kovalevskaya St.,

620108 Ekaterinburg, Russia

Email: lika170288@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0001-9664-6110>